

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

Н. Г. Юзefович
Хабаровск, Россия

N. G. Yuzefovich
Khabarovsk, Russia

**ИНТЕРЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД
К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖКУЛЬТУРНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА**

**INTERLINGO-CULTURAL APPROACH
TO THE STUDY OF CROSS-CULTURAL
POLITICAL DIALOGUE**

Аннотация. Обосновывается интерлингвокультурный подход к изучению лингвистических и прагматических закономерностей межкультурной коммуникации. Материалом для исследования служат англоязычные произведения, в которых описывается русская лингвокультура.

Abstract. Interlingo-cultural approach to the study of linguistic and pragmatic regularity of cross-cultural communication is grounded. The material for the study is formed by the books in English where Russian linguo-culture is described.

Ключевые слова: межкультурный политический диалог; лингвокультура; интерлингвокультурная картина мира.

Key words: cross-cultural political dialogue; linguo-culture; interlingo-cultural world mapping.

Сведения об авторе: Юзefович Наталья Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации.

About the author: Natalia Grigorievna Yuzefovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of English Philology, Institute of Linguistics and Cross-Cultural Communication.

Место работы: Дальневосточный государственный гуманитарный университет.

Place of employment: Far Eastern State University for the Humanities.

Контактная информация: 680000, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68.
e-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru.

Исследование межкультурного политического диалога в рамках дискурсивной парадигмы — основная задача политической лингвистики, признанного направления современной науки, сформированного изначально за рубежом [Anderson 1995; Лассвелл 2007; Серио 2008], известного в отечественном научном мире с последних десятилетий XX в. Сегодня ученые продолжают разрабатывать основные подходы и методы анализа политического общения [См.: Баранов 2003; Будаев, Чудинов 2007; Паршин 2003].

Основная задача данной статьи — изучение «совокупности дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов 2003: 245—246]. В центре внимания в настоящем исследовании оказываются тексты официального институционального дискурса (речи политиков, президентские обращения, аналитические статьи и т. п.), позволяющие описать специфику межкультурного политического дискурса, идиолекты его участников.

Методология исследования основывается на социолингвистическом и прагматическом подходе с применением сопоставительного лингвостилистического и культурологического анализа. Учитывались такие параметры, как ситуация создания текста, позиция автора, восприятие информации другими участниками коммуникации, соотно-

шение с другими текстами и функции данного произведения «в системе политических текстов и — шире — в политической жизни страны» [Чудинов 2003: 12].

Внутренняя структура исследований, относящихся к политической лингвистике, достаточно разнопланова, что позволяет говорить о необходимости упорядочения и систематизации задач данной науки и ее методологии: «Политическая лингвистика как раз пребывает в таком состоянии, когда она часто становится предметом рефлексии и нередко воспринимается как исследовательский проект» [Паршин 2003: 126].

Возможно, установлению системного подхода к рассмотрению явлений может способствовать выделение смежных специализированных «ответвлений». Так, значимость политической метафоры обусловила приоритет анализа метафоричности в контактирующих языках, что предопределило формирование сопоставительной политической метафорологии — современного лингвистического направления исследований, объединяющего эвристику и методику когнитивной и политической лингвистики [Будаев 2010].

Представляется целесообразным учитывать процессы глобализации, охватившие все сферы жизни, и обратить внимание на формирование языка глобального политического дискурса и тексты, традиционно не входящие в сферу интересов политической лингвистики, дистанцирующейся от пробле-

мы «языков межнационального общения и языков международного общения (мировых языков)» [Чудинов 2003: 12], равно как и от рассмотрения публицистических, научных и художественных текстов. С учетом вышесказанного лингвистические и прагматические характеристики англоязычных произведений, основная функция которых сводится к англоязычной идентификации инолингвокультур, их идейно-политической картины мира и т. п., целесообразно изучать в рамках такого междисциплинарного направления, как *политическая интерлингвокультурология*.

При обосновании данного подхода следует подчеркнуть, что, во-первых, политическое воздействие характерно и для неофициального политического дискурса. Так, рассуждая о стиле официального политического дискурса, Г. Лассвелл подчеркивает, что коммуникация, цель которой состоит в удержании власти, включает «простые и сложные элементы», изменяющиеся соответственно контексту общения, ситуации, где «коммуникация является инструментом власти» [Лассвелл 2007: 176]. Однако в качестве инструмента власти могут использоваться художественная литература и публицистика.

Это особенно очевидно при обращении к политическому дискурсу советского периода, регламентировавшему четкое деление политического лексикона на «буржуазный» (ненаучный) и «социалистический» (единственно правильный). Идеологизация науки, в том числе и лингвистики, проявлялась, например, в том, что признавался только марксистско-ленинский подход, ограничивающий научные исследования. Интересно отметить, что в любых научных работах, в том числе диссертациях, на первом месте в списке использованной литературе указывались труды В. И. Ленина, далее — остальных классиков марксизма, а потом в алфавитном порядке — другие источники. Писателей, осмелившихся высказать мнение, не соответствующее официальной идеологии, исключали из Союза писателей; за суждения, не совпадающие с идеологией власти, лишали гражданства деятелей науки, искусства, литературы. Однако, невзирая на это, диссиденты действовали «против власти» своими работами, публикуя их в «самизда-те».

Массовому читателю не были доступны англоязычные произведения о России, включая периодику, например газеты «Times», «Newsweek» и др., находившиеся в так называемом спецхране публичных библиотек Москвы и Ленинграда. Для чтения источников оттуда необходимо было особое

разрешение. Об этом, к сожалению, забывают или не знают те лингвисты, которые не занимались подобными исследованиями в советский период, идеализируя советский опыт, но самое главное, — не понимают значимости исследований литературы такого рода для современного межкультурного общения.

Во-вторых, несмотря на то что официальный политический дискурс (речи политиков, обращения и пр.) является институциональным, в реальной жизни «средний» читатель или слушатель не проявляет особого интереса к политической информации. Несомненно, большее воздействие на него оказывают исторические и художественные произведения, публицистика, восприятию познавательной информации которых сопутствуют эстетические функции.

В-третьих, англоязычные тексты, в которых создается картина мира других лингвокультур, являются важным элементом глобального политического диалога. Английский язык в данном случае функционирует как «голос» инолингвокультур, что, несомненно, отражается в его лексике, грамматике, стиле.

Создавая политическую картину мира другого этноса, идентифицируя ее средствами английского языка, автор обращается к многочисленной англоязычной аудитории, воздействует на ее восприятие описываемой культуры. Лексикон описания политической картины мира создает определенный прагматический эффект, определяемый главным образом позицией автора. Формируемые при этом стереотипы укореняются в мировоззрении читателя, который начинает воспринимать сквозь их призму инолингвокультуру.

Всё вышесказанное подтверждает важность исследования политической коммуникации на материале англоязычных произведений, идентифицирующих инолингвокультуры.

Тексты подобного рода являются *интерлингвокультурными*: выполняя посреднические функции, они помогают общению по крайней мере двух лингвокультур — англоязычной и «чужой» (если автор — носитель английского языка) или англоязычной и родной (если автор — представитель какой-либо другой лингвокультуры). Соответственно исследование стиля и закономерностей подобных текстов носит интерлингвокультурологический характер (термин образован на основе слов «интерлингвокультура» [Friedrich 1989; Agar 1994] и «лингвокультурология»). При этом политические функции произведений требуют обращения к методологии политической лингвистики, вследствие чего междисциплинарное научное направ-

ление логично обозначить термином *политическая интерлингвокультурология*.

Одной из важных характеристик предлагаемого подхода является исследование главным образом моноязычной коммуникации. Традиционно межкультурный диалог рассматривается как межъязыковое посредничество при прямом (непосредственно личном) и/или опосредованном (с использованием различных средств передачи информации) контакте. При этом практически не учитывается общение на английском языке, для участников которого английский не обязательно родной, хотя они владеют им на уровне, позволяющем продуцировать тексты (в устной или письменной форме).

В рамках данного подхода исследуется политический диалог в интерлингвокультурологической парадигме, в соответствии с которой английский язык реализует функцию вторичной культурной ориентации [Кабакчи 1998].

Концепция «политической интерлингвокультурологии» возникла при изучении моноязычного межкультурного политического дискурса, в частности диалога «Запад — Россия», основная задача которого — идентификация русской лингвокультуры (*инолингвокультуры* относительно языка-посредника) средствами английского языка, через призму англоязычной политической картины мира. Не вызывает сомнения, что знание русского языка (родного) и английского (иностранного) позволяет установить, насколько точно и адекватно передается наша культура средствами другого языка [Юзефович 2006; Юзефович 2011б]. Вербализуя российскую идейно-политическую картину мира, английский язык выступает средством выражения русскокультурной идентичности.

Ключевую роль в этой ситуации играет выбор способа номинации. К сожалению, исследователи нередко упускают из виду, что однозначное русско-английское или англо-русское переводное соответствие в политическом дискурсе далеко не всегда возможно, так как слово, помимо словарной эквивалентности, может обладать особыми ассоциативными связями, закрепившимися в привычных для социума контекстах. Классическим примером можно считать слова *повстанец* 'участник восстания, партизанского движения' [Ушаков 2000] и *rebel* 'a person who rises in opposition or armed resistance against an established government or leader' [Oxford Dictionary].

Концептуальное содержание слова *rebel* не совпадает с концептом *повстанец*, обладающим позитивными эмоциональными связями в русскокультурной политической кар-

тине мира. Поэтому не совсем корректно считать их переводными эквивалентами: вследствие этого несколько деформируется политическая картина мира английского языка. Подобную номинацию следует рассмотреть в интерлингвокультурной парадигме, в англоязычных политических контекстах. Соответственно перевод требует использования когнитивного подхода, реализуемого при лингвистическом анализе, когда «основной акцент (или акценты) при рассмотрении явления делаются на его участии в познавательных процессах, в обобщении опыта взаимодействия человека с миром, в актах обработки и переработки воспринятого человеком и т. д.» [Кубрякова 2008: 31].

При исследовании англоязычного описания политической картины мира любой лингвокультуры в рамках интерлингвокультурной парадигмы следует учитывать, что лингвокультура показывается через призму «чужого» для нее языка. С позиции английского языка это инолингвокультура, и выбор языковых средств определяется точками соприкосновения контактирующих лингвокультур, отношением к стране, стереотипами, идеологическими установками общества, писателя, издательства и языковой нормой. Наиболее значимую роль играет автор, его идеологическая позиция, уровень билингвальной компетенции (без знания языка культуры невозможно проникнуть в ее суть), фоновые знания, вербализация которых определяется языком.

Эффективный межкультурный диалог обеспечивается интерлингвокультурной личностью, характеризующейся профессиональным билингвизмом, знанием контактирующих лингвокультур и сформированной интерлингвокультурной картиной мира, в рамках которой сопоставляются родная и иноязычная лингвокультуры и реконструируются необходимые для адекватного межкультурного диалога образы, вербализуемые соответствующими средствами номинации [Юзефович 2011а].

Проблемное поле политической интерлингвокультурологии включает исследование англоязычных средств идентификации разнообразных этнических лингвокультур, формирование концептосферы политической картины мира инолингвокультуры в английском языке, идеологически обусловленное семантическое варьирование, вопросы кодификации (лексикографического описания) политических терминов.

Одна из основных объективных потребностей глобального политического общения — унификация базовой терминологии,

т. е. кодификация политических универсалий, лексическая контактология и трансфер [Ajdukovich 2010], овладение механизмом актуализации новых концептов, варьирование семантики привычных, но более не актуальных номинаций и пр.

В рамках предложенного подхода номинации инолингвокультурных политических реалий в английском языке изучаются как факты языка (в лексикографическом описании) и в контекстах реального использования в сопоставительном аспекте с точки зрения контактирующих лингвокультур. При этом определяются закономерности адаптации, вариативность на разных уровнях (семантическом, орфографическом, концептуальном), причины семантической аберрации, негативно воздействующей на эффективность межкультурного диалога, и способы ее элиминирования.

Междисциплинарность описываемого научного направления требует использовать комплексную методологию, включающую метод когнитивно-дискурсивного анализа, дефиниционного и контекстуального анализа, сопоставительного анализа, метод опосредованного наблюдения и экстраполяции [Кабакчи 1998], позволяющую перенести результаты исследования одной лингвокультуры на описание другой, например японской [Юзефович, Бордиловская 2006].

Важными представляются современные методы когнитивной лингвистики, в частности исследование политической концептосферы с помощью когнитивно-матричного анализа, направленного «на изучение многоаспектного знания, которое не является ни стереотипным, ни иерархически организованным. Его цель — выявить и свести воедино в виде когнитивной матрицы различные когнитивные контексты, в рамках которых та или иная языковая единица может получить необходимое осмысление» [Болдырев 2008: 27].

Изучение функционирования глобально-английского языка в межкультурном политическом дискурсе на разнообразном эмпирическом материале является важной научной задачей, позволяющей описать политику и язык как две взаимосвязанные сущности с разных сторон, в сопоставлении. Для определения основополагающих направлений жизни государства и мирового сообщества в целом политика обращается главным образом к основному семиотическому коду — языку. Формирование мировоззрения, ценностных установок социума актуализируется не только официальным институциональным политическим дискурсом, но и публицистикой, путевыми заметками и т. п.

Межкультурный политический диалог — это не только общение политиков: создавая идейно-политическую картину мира инолингвокультуры средствами английского языка, писатели воздействуют на ее восприятие читателем. Если *мы* знаем, какими *они* нас видят, мы можем предвидеть «зоны непонимания и конфликтности», что способствует эффективному межкультурному политическому диалогу.

Таким образом, интерлингвокультурный подход к изучению глобального английского языка на материале корпуса англоязычных текстов разных жанров с акцентом на политической картине мира инолингвокультуры, этнической идентичности «чужой» культуры позволяет выделить и кодифицировать значимые для межкультурного общения лингвистические и прагматические закономерности, что, несомненно, будет способствовать эффективному межкультурному общению в сфере политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. 2-е изд., испр. — М. : Едиториал УРСС, 2003.
2. Болдырев Н. Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. науч. тр. — Тамбов, 2008. С. 11—29.
3. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2010.
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Методологические грани политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21). С. 22—31.
5. Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. — СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 1998.
6. Кубрякова Е. С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. науч. тр. — Тамбов, 2008. С. 30—45.
7. Лассвелл Г. Стиль в языке политики // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 165—176.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — Израиль : Very Ltd., 1994. Электр. изд. // Lingvo x3 : комп. приложение.
9. Паршин П. Б. Метанаучные размышления о политической лингвистике: три подхода к становлению исследовательской дисциплины // Современная политическая лингвистика : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, окт. 2003 г.). — Екатеринбург, 2003. С. 126—128.
10. Серю П. Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиски настоящей речи в социалистической Европе 1980-х гг. // Политическая лингвистика. 2008. № 5 (25). С. 160—167.
11. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. — М. : АСТ, Астрель, 2000. Электр. изд. //

Lingvo x3 : комп. приложение.

12. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.

13. Юзефович Н. Г. Русскоязычная политическая лексика советского периода в английском языке : моногр. — Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2006.

14. Юзефович Н. Г., Бордиловская А. В. Японские заимствования в контексте внутренней и внешних культур // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2006. № 4 (12). С. 133—138.

15. Юзефович Н. Г. Интерлингвокультурная языковая личность билингва-посредника межкультурного общения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011а. № 3. С. 159—165.

16. Юзефович Н. Г. Лексика русского политического дискурса в лингвокультурном пространстве английского языка. — Saarbrücken: LAP Lambert Acad. Publ., 2011б.

17. Agar M. Language Shock. Understanding the Culture of Conversation. — N. Y. : William Morrow & Co, Inc., 1994.

18. Ajdukovich J. About the First Volume of a Contactological Dictionary of Slavic Languages. URL: <http://www.russian.slavica.org/article9778.html> (дата обращения: 12.11.2010).

19. Anderson R., Chervyakov V. V., Parshin P. B. Words Matter: Linguistic Conditions for Democracy in Russia // Slavic Review. 1995. 4 (54). P. 869—895. URL: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/wordsmatter.pdf> (дата обращения: 12.11.2010).

20. Friedrich P. Language, ideology and political economy // American Anthropologist. 1989. Vol. 91. P. 295—312.

21. Oxford Dictionary of English. Rev. ed. — Oxford Univ. Pr., 2005. Электр. изд. // Lingvo x3 : комп. приложение.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева